

«К Сталину решили вернуться...»

Окончание. Начало на стр. 1

Я же говорю – завидуют. Но сейчас нельзя обрести такую же власть, если не хотите красной революции. «Красной» – уже в смысле «кровавой», понимаете? Если вы не хотите крови, то устанавливать такой памятник нельзя. В это решение вкладывается тот смысл, что народу нужен позитив. Но зачем же ему именно такой позитив? Еще Пушкин все это очень хорошо понимал, когда писал «Бориса Годунова».

– Вы ведь блокадник. 9 Мая наверняка поедете в Петербург?

– Не уверен. У меня только что была презентация книги под названием «Победа», которую я выпустил специально к 9 Мая. Эта книга вышла одновременно на двух языках с параллельными текстами – немецким и русским. В розницу главы ее уже публиковались по-немецки, так что не составило труда совместить два варианта.

– Не рискованно ли выпускать в Германии книгу о нашей победе?

– Это очень уравновешенная книга. Ничего рискованного там нет. Чего же я должен бояться? И министра культуры я не боюсь. И Ширака с Путиным не боюсь (имеется в виду встреча в Париже русских писателей с российским и французским президентами, куда Андрей Битов демонстративно не пришел. – «НИ»). Это честная, вполне лирическая книга о войне, о ребенке, о столкновении русского и немецкого менталитетов. В общем, тонкая и довольно своеобразная книжка, основанная на моих воспоминаниях. Мне было четыре года, когда началась война. Я был голодным, холодным ребенком. Моя книга и об этом тоже.

– В вашей недавней книге «Воспоминание о Пушкине» есть мысль о том, что петербургские произведения Пушкина, Гоголя побеждают мрачность этого города. Когда вы размышляете о Петербурге, вам, блокаднику, тоже приходится преодолевать его гнет?

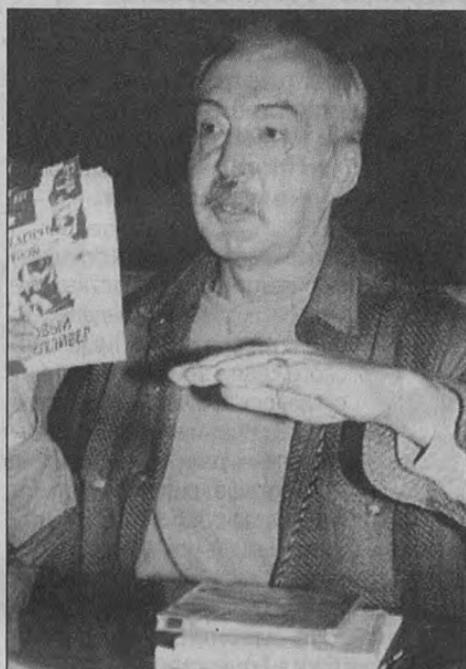
– Почему же гнет? Это мой город, он входит в состав моей крови. Я люблю его, так же как люблю Россию, и это вовсе не признак патриотизма. Просто это сам я, что ни говорите. Значит, и я такой, как этот город и эта страна. Только я гораздо меньше их.

– В своих книгах вы пишете о зависти россиян к более цивилизованным народам – такой же убийственной, как у Сальери к Моцарту. У вас у самого есть такая мучительная обида за происходящее в стране?

– Мучительного у меня нет ничего. Кроме моих детей, которые на то и родились, чтобы мучить родителей... А что, раньше у нас не происходило подобного? Или там, на Западе, не происходит? Там люди тоже страдают, но не от того, от чего должны. Каждый находит себе какую-то причину для горя. Но бывают и настоящие причины. Можно действительно страдать, когда теряешь близких. Бывают войны, бывают настоящие ужасы. Я с этого начинаю помнить свою жизнь – с войны. Поэтому у меня есть точка отсчета, и я вижу, что люди на 90 процентов мучаются от ненастоящих своих страданий, имея все 100 процентов настоящих. То есть от сравнения, зависти: кому-то лучше, а кому-то хуже, чем мне. Пушкин, к слову, страдал только частично от подлинных вещей. Впрочем, как и всякий нормальный человек. Иногда я, как и он, злюсь оттого, что отечество такое. А иногда, как он, думаю, что другого дано не было и вне его я себя не мыслю. Впрочем, я, конечно, не сравниваю себя с Пушкиным.

– А чувство зависти по отношению к другим писателям вам не чуждо? Ведь вот вы написали, что Пушкин так ревновал к Грибоедову, что не мог продолжать «Евгения Онегина»: «Горе от ума» его опередило...

– Зависть – это нормально. Нормально, если она равна восхищению. Ведь если вы способны на восторг, то это уже не зависть вовсе. Должен быть в жизни объект, достойный этого чувства. Я давно ничем не восхищался. Как-то раз восхитился «Москвой – Петушками» и с тех пор в той же мере ничем не был восхищен (я говорю сейчас о прозе). Хорошие произведения и теперь есть. Но зачем же испытывать зависть? Как я могу, скажем, позавидовать «Сандро из Чегема»? Ну не могу. Это глыба, которую создал Фазиль Искандер, потому что он абхазец. Он сумел это увидеть,

СПРАВКА
Андрей БИТОВ родился 27 мая 1937 года в Ленинграде. В 1942 году был эвакуирован на Урал, а затем в Ташкент. После службы в армии поступил на геолого-разведочный факультет Ленинградского горного института, который окончил в 1962 году. Работал буровым мастером в геолого-разведочных экспедициях. Впервые стал печататься в 1959 году. Первый сборник рассказов «Большой шар» опубликован в 1963 году. В 1965 году был принят в Союз писателей СССР. В 1965–1967 годах учился на Высших сценарных курсах при Госкино в Москве. В 70–80-х годах издавался преимущественно за границей. В 1979 году входил в состав авторов самиздатовского альманаха «Метрополь». В 1992 году ему присуждена Государственная премия России за роман «Улетающий Монахов». В 1997 году – вновь лауреат Государственной премии РФ и премии «Северная Пальмира» за роман «Оглашенные». Председатель ПЕН-центра в России.

вынуть и создать. Или как я могу позавидовать «Архипелагу ГУЛАГу»? Нелепо! Потому что надо иметь такую судьбу и такую мощь, как у Солженицына. Позавидовать чужой судьбе, которая более благополучна, чем моя по внешним проявлениям (тиражи, там, слава или деньги) – я тоже не могу, потому что этот человек, на мой взгляд, пишет хуже меня. Я бы не хотел с ним соревноваться. Ну и как может соревноваться, допустим, пловец с прыгуном? Или торговец с живописцем? Разные вещи. Это не одно и то же поприще.

– Для Пушкина, которого не выпускали из империи, как позднее и для вас, и для многих советских писателей, Кавказ был единственным подобием «заграницы». Разве это не мистическое совпадение?

– Ничего тут мистического нет. Просто Пушкин все сделал первым. Был первым «невыездным» и первым пересек границу Грузии. А мы повторяли за ним уже потом. Кстати, Пушкин на Кавказе – это как раз документальная часть моей недавней книги, для которой Резо Габриадзе сделал иллюстрацию.

Кавказ действительно был той единственной частью империи, которую можно было воспринять как за границу. Там он был счастлив. А мы с Резо воображали, как бы он себя чувствовал в Париже или где-нибудь в Испании. Внутренне Пушкин был европейцем, цивилизованным человеком и, главное, свободным. Он – наш академик свободы. И в этом его основная суть.

...По большому счету, на то она и власть, чтобы давить. Это ее функция. У нас ведь всегда была менее цивилизованная власть, чем в Европе, и она давила слишком буквально. Сейчас еще ничего – пиши что хочешь. В рукопись уже почти не вмешиваются – либо печатают, либо нет. Сейчас власть настолько занята финансовыми и собственно политическими разборками, что ей не до этого. Отпустили гласность и зажимают ее по конкретным поводам, которые кажутся ей угрожающими. А так для свободного искусства вроде препятствий нет. Но в принципе власть не любит свободного человека. А форма свободы меняется в зависимости от способов давления. Думаю, что если человек по-настоящему свободен, то он свободен и от власти.